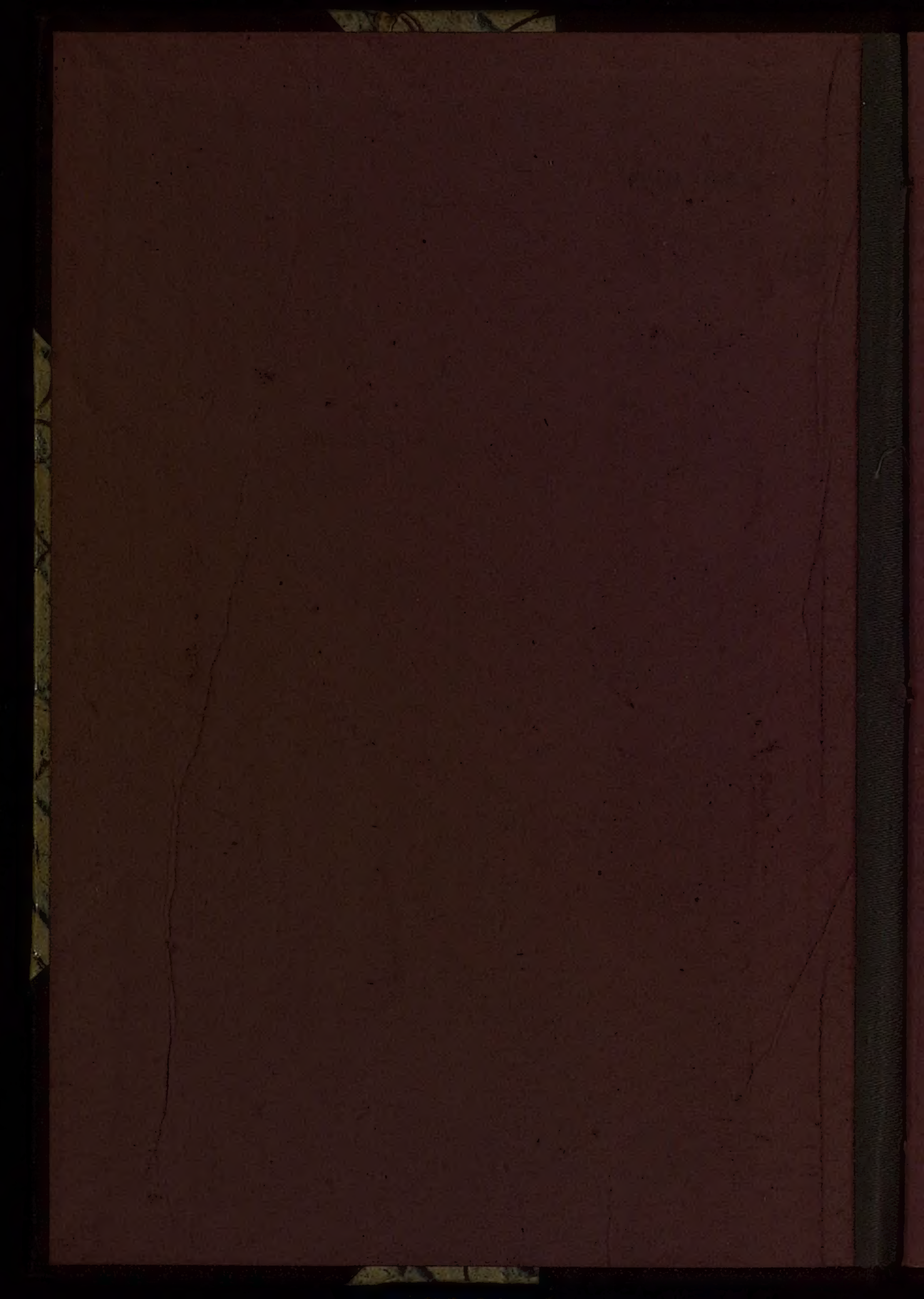
Керенский

ОБ АРМИИ И ВОЙНЕ

Издательство «НАРОДНАЯ ВОЛЯ».

А. Ф. Керенскій.

Объ арміи и войнѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Общ. Град., Изм. п., 8 рота, д. 20-б.
1917.

Издательство «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

А. Ф. Керенскій.

Объ арміи и войнѣ.

Петроградъ
Тип. Общ. Град., Изм. п., 8 р., д. № 20-б:
1917

Поѣздка А. Ф. Керенскаго.

Девятаго мая военный и морской министръ А. Ф. Керенскій выступилъ въ Гельсингфорсѣ съ большой рѣчью передъ членами Исполнительнаго Комитета. Въ своей рѣчи Керенскій сказалъ:

— Я вступилъ въ исполненіе обязанностей военнаго и морского министра только послѣ категорическаго требованія, которое было предъявлено мнѣ Временнымъ Правительствомъ и тѣми организаціями и партіями, которыя вошли въ составъ этого Правительства. Мнѣ трудно было рѣшиться на это, ибо въ настоящее время, не на словахъ, а въ дѣйствительности положеніе Государства Россійскаго находится въ тяжеломъ положеніи. Тяжесть положенія заключается въ томъ, что слова и принципы, которые кажутся намъ совершенно понятными и ясными, какъ дважды два четыре, часто попадая на наивную почву нашихъ массъ, превращаются въ лозунги не въ созидательные, а разрушительные.

Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ Циммерманъ сказалъ:

«Для насъ—русскаго государства больше не существуетъ, какъ силы, съ которой мы могли бы считаться».

Вы понимаете, что такой организмъ, какъ войско и флотъ, имѣетъ значеніе только, если онъ является механизмомъ дѣйствующимъ съ точностью, опредѣленностью и послѣдовательностью самыхъ лучшихъ и самыхъ утонченныхъ механическихъ аппаратовъ, на началахъ не принужденія, насилія, а взаимнаго довѣрія и согласія каждаго исполнять свой долгъ на своемъ мѣстѣ. Я хочу и какъ военный и морской министръ, требую сознанія во флотѣ дисциплины разума и совѣсти, дисциплины, которая возобновила бы и полнымъ ходомъ пустила такой сложный, замысловатый и хрупкій организмъ флота.

Россія теперь,—самое свободное государство. Флотъ русскій—самый свободный флотъ; и вотъ найти въ самомъ себѣ предѣлъ этой свободы, понять, гдѣ свобода переходитъ въ развалъ, разрушеніе необходимыхъ скрѣпъ между отдѣльными

элементами флота, найти и остановиться не по принужденію, а по собственной волѣ—вотъ задача достойная свободныхъ людей.

Видите, въ довольно смѣшномъ положеніи бываетъ человѣкъ, котораго бьютъ и который въ это время кричитъ, что онъ всѣхъ любитъ и бить никого не хочетъ. Вопросъ объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ, главнымъ образомъ, вопросъ не тѣхъ государствъ, территоріи которыхъ захвачены, а того государства, которое чужое государство захватило и въ этомъ отношеніи для того, чтобы государство, захватившее считалось съ мнѣніемъ тѣхъ, кого оно считаетъ побѣжденнымъ, нужно кромѣ словъ еще и силу.

Съ другой стороны, мы, Временное Правительство, въ новомъ составѣ, со всѣхъ сторонъ обсуждали создавшееся положеніе. Наше положеніе трудное, ибо мы въ настоящее время недостаточно сильны, чтобы не только словами, но и своими аргументами могли достаточно вліять на тѣ государства, которыя находятся съ нами во враждѣ.

Наше положеніе чрезвычайно трудно, особенно въ виду того, что всѣ границы отъ Портъ-Артура до Чернаго моря у насъ сейчасъ почти что оголены и въ настоящее время передъ нами опасность потерять не только Арменію, но можетъ быть и часть Кавказа.

Мы уже достигли очень большихъ успѣховъ, хотя бы даже въ томъ, что наши послы въ Лондонѣ и Парижѣ будутъ замѣнены, будетъ новый французскій посолъ у насъ и вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ такое соглашеніе состоится. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы достигнуть нашихъ международныхъ задачъ, мы должны внушить Европѣ и, главнымъ образомъ, нашимъ врагамъ, вообще международному общественному мнѣнію, уваженіе къ себѣ, а это можетъ внушить какъ и въ частной жизни только сильный человѣкъ, только сильное государство.

Товарищи! Тотъ подъемъ, который вы всегда выражаете, когда мы съ вами встрѣчаемся, и въ чемъ я вижу проявленіе любви не ко мнѣ лично, но любви къ тѣмъ идеаламъ, которымъ мы всѣ служимъ—свободѣ, равенству и братству, вотъ этотъ подъемъ, этотъ порывъ нашихъ душъ и нашихъ чувствъ вы должны сумѣть превратить въ организованную

стальную машину государственнаго творчества и выковать новыя формы свободной демократической жизни, новое демократическое государство. Два мѣсяца назадъ я пріѣзжалъ сюда, какъ министръ юстиціи и вашъ товарищъ, теперь пріѣзжаю, какъ вашъ товарищъ—военный и морской министръ.

Что же произошло въ эти два мѣсяца, что мы пережили? Вся страна, товарищи, пережила много прекраснаго, но и много страшнаго: бывали минуты, когда начиналось сомнѣніе, и мы теряли силы и вѣру въ государственный разумъ и творчество русскаго народа. Тогда, товарищи, я пріѣзжалъ къ вамъ единственнымъ представителемъ демократіи во Временномъ Правительствѣ; теперь, вы знаете, я уже не одинъ, и тамъ сидятъ мои боевые товарищи по революціонной работѣ. (Бурные апплодисменты). Тогда я говорилъ, что русская свободная страна должна управляться своимъ народомъ. Два мѣсяца происходили колебанія. И если мы теперь всѣ вмѣстѣ, то могу сказать, что я побѣдилъ. Но какъ мы пришли къ этому рѣшенію взять на себя отвѣтственность вмѣстѣ съ демократической буржуазіей?

Мы пришли къ этому рѣшенію опытомъ двухмѣсячнаго разсужденія. За два мѣсяца русская демократія прошла тѣ шаги, которые наши товарищи за границей проходили долгіе годы, въ теченіе долгихъ десятилѣтій.

И я теперь спокоенъ. Мы увидѣли, что русскій народъ, русская демократія и всѣ, кто въ ней, могутъ спокойно смотрѣть въ будущее, ибо мы показали, что созрѣли гражданственно и революціонно. При старомъ режимѣ русская демократія и русская свободная мысль были подъ каблукомъ самодержавія. Но во все это время мы жили интересами государства, болѣли и плакали кровавыми слезами за гибель страны и спокойными рядами, одинъ за другимъ, если нужно было, шли на смерть. Но мы знали также, что народъ долженъ перейти отъ азіатскаго самодержавія въ семью европейскихъ народовъ, и мы сознательно тянули его сюда. Сейчасъ, когда мы его притянули, мы хотимъ это дѣло укрѣпить, ибо мы создаемъ не какой-нибудь англійскій или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова. (Бурные апплодисменты и крики: «Вѣрно!»).

— Товарищи,—оставаясь соціалистомъ, я взялъ на себя обязанности военнаго и морского министра. (Продолжительные аплодисменты). Взялъ потому, что въ настоящее время борьба на фронтѣ, - это та же самая революціонная борьба. (Бурные аплодисменты, крики: «вѣрно»). Создавъ себѣ право на свободу и свободную жизнь, заплативъ за это кровью милліоновъ нашихъ братьевъ, мы никому не отдадимъ этой свободы. (Бурные аплодисменты, крики: «нѣтъ, нѣтъ!»). Мы открыто сказали, что не хотимъ захватовъ, насилія, не хотимъ чужого достоянія, мы хотимъ скорѣйшаго мира, но тѣ, кому мы говорили это, могли понять только одно, что мы неспособны силой отстоять свои права, и они начали брататься на нашемъ фронтѣ, и въ то же время свои лучшія войска послали на французскій фронтъ и уничтожаютъ эту первую демократію Европы. Кромѣ того, послѣ братанія на нашемъ фронтѣ у нихъ оказались фотографіи нашихъ позицій и батарей, которыя были такъ замаскированы, что сверху увидѣть было нельзя.

Мы хотимъ скорѣе кончить войну, но съ достоинствомъ, должнымъ для свободной страны. Мы это и сдѣлаемъ и не посмотримъ, что дѣлаютъ люди и правительства, не понимающіе словъ великодушія.

Это показываетъ, товарищи, какъ нужно быть осторожнымъ, какъ часто надъ нашей простотой, надъ открытымъ сердцемъ русскихъ людей хотятъ играть свою некрасивую игру. И здѣсь, въ Финляндіи (министръ возвышаетъ голосъ), намъ особенно нужно быть осторожными, ибо наше великодушіе, нашу любовь могутъ понять, какъ слабость и безсиліе не только нѣмцы. (Аплодисменты и крики: «Вѣрно»).

Революція, это—творчество, революція, это—сила, и пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣе стараго царизма, и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь! (Бурные аплодисменты).

Товарищи, я взялъ на себя обязанности военнаго и морского министра даже для того, чтобы всѣ знали, что сила русской военной мощи,—сила добрая, сила, идущая къ миру, —сила великодушная. (Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты).

Нѣкоторые товарищи говорятъ: мы этого не хотимъ, туда

не пойдемъ, этого не желаемъ, того не дадимъ. Вѣдь это что значитъ? Это значитъ, что человѣкъ остается спокойно у себя дома и ни за что не станетъ отвѣчать. А вотъ взять на себя дѣло и отвѣтственность за это дѣло, ошибаться, падать, подниматься, творить новую жизнь—есть подвигъ, достойный свободнаго революціонера.

Признаюсь, я все время вѣрилъ въ этотъ кризисъ къ лучшему, къ новой страницѣ исторіи свободной Россіи, и это свершилось. Закрѣпимъ же то, что мы сдѣлали, и не побоимся упрековъ.

НА ФРОНТОВОМЪ СЪѢЗДѢ.

ОДЕССА.

15 мая, съ вокзала, при бурныхъ оваціяхъ собравшихся на улицахъ толпъ народа, министръ А. Ф. Керенскій послѣдовалъ въ городской театръ на засѣданіе фронтового областного съѣзда. Къ собравшимся А. Ф. Керенскій обратился со слѣдующей рѣчью:

— «Товарищи-граждане. Въ вашей встрѣчѣ я вижу тотъ великій энтузіазмъ, который объялъ всю страну и чувствую великій подъемъ, который приходитъ не часто, подъемъ который міръ переживаетъ разъ въ столѣтія. Не часты такія чудеса, какъ русская революція, которая изъ рабовъ дѣлаетъ свободныхъ людей.

Мы много испытали, и сердце народовъ Россіи бьется однимъ темпомъ, и намъ суждено повторить сказку великой французской революціи. Бросимся же впередъ за миръ всего міра съ вѣрой въ счастье и величіе народовъ.

Нашимъ лозунгомъ должны быть не люди, а идеи, нашъ лозунгъ: свобода, равенство и братство и нашъ девизъ: «впередъ». Во имя этого лозунга совершилось чудо, созданное кровью и страданіями поколѣній. Мы перешли къ самому свободному строю, мы сняли жатву па пашнѣ, политой кровью лучшихъ людей. И не намъ этой жатвой распоряжаться, мы только хранители клада Россіи. Быть можетъ, мы начинаемъ новую эру всего міра, и на первый планъ появятся черноземные пласты, раньше покрытые пескомъ.

Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ представитель революціонной

части народа, которая должна охранять этотъ кладъ. Мы не должны думать о разногласіяхъ, выдвигать партійныя программы, спрашивать, сыты-ли мы? Послѣдніе два мѣсяца заставили тѣхъ, кто въ русскомъ народѣ видѣлъ рабовъ, пасть ницъ, ибо только трудъ создаетъ подлинныхъ гражданъ, только въ трудящихся массахъ пріучаются видѣть человѣка въ ближнемъ. За эти два мѣсяца родился великій лозунгъ, который охватилъ всѣхъ. Прежде, чѣмъ вступить въ борьбу внутри, нужно приготовить мѣсто для будущей борьбы, т. е. государство на стальныхъ устояхъ и преклоненіе передъ человѣкомъ и его трудомъ.

Мы пережили періодъ разрушенія, мы должны понять, что повторить такой періодъ не возможно, и мы должны пойти стройными рядами революціонныхъ солдатъ, гдѣ бы они ни были—на фронтѣ или въ странѣ, и пусть каждый продумаетъ все прошлое и найдетъ въ себѣ достаточно совѣсти и чести революціоннаго гражданина, чтобы отказаться отъ всего личнаго.

Намъ угрожаетъ серьезная сила. Люди, объединившіеся въ ненависти къ новому строю, найдутъ путь, которымъ можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя ничего не достигнутъ, такъ какъ нѣтъ штыка или шашки за нихъ.

И они идутъ путемъ обманнымъ, путемъ проклятымъ, идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ и говорятъ: требуйте всего немедленно, шепчутъ слова недовѣрія къ намъ, всю жизнь положившимъ на борьбу съ царизмомъ.

Среди насъ есть также и идеалисты, слишкомъ смотрящіе въ небо и увлекающіе насъ въ бездну анархіи. И мы должны сказать имъ—остановитесь, не расшатывайте новые устои.

Легко критиковать и легко разрушать. Но не этого требуетъ русская революція отъ своихъ сыновъ: она требуетъ государственной мудрости, требуетъ не играть на людской усталости и отупѣлости отъ старыхъ лѣтъ.

Я пріѣхалъ къ вамъ по долгу человѣка, отвѣтственнаго за судьбы государства и идей, которымъ служилъ всю жизнь. Мы имѣемъ право говорить правду и надо умѣть слушать ее и я привезъ вамъ эту правду. Все, что мы завоевали поставлено

на карту. Если русскій народъ, въ особенности русская армія не найдутъ мужества, не найдутъ стальной брони, дисциплины, то мы погибнетъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи соціализма, во имя которыхъ мы совершили революцію. Этого допустить мы не можемъ.

Вы самая свободная армія въ мірѣ. Ваши права налагаютъ на васъ такія обязанности, какихъ никто не имѣетъ. Нельзя допустить, чтобы послѣ войны сторонники германской системы кнута сказали: «русская свобода показала, что значитъ свободная армія, что побѣждаетъ только режимъ насилія и желѣза». Вашъ историческій долгъ доказать, что дисциплина свободнаго духа сильнѣе желѣзной дисциплины. Если этого вы не сдѣлаете, проклянутъ васъ поколѣнія.

Вы помните французскую революцію: она была безпощадна ко всѣмъ, кто мѣшалъ справа и слѣва. Мы не хотимъ повторять кровавыхъ ужасовъ и отмѣнили смертныя казни. Мы стремимся къ тому, чтобы великія идеи не осквернялись насиліемъ и кровью. Въ результатѣ наши враги сами идутъ къ намъ, ибо мы—свободный народъ.

Но то, что говорилось, убѣдило меня въ томъ, что вы сами понимаете, что такое долгъ. Я пришелъ къ вамъ не для того, чтобы краснѣть за русскую армію, а для того, чтобы отъ имени революціи вмѣстѣ съ вами совершить великій подвигъ и, забывъ проклятое прошлое, броситься впередъ, во имя свободы, равенства и братства».

Рѣчь военнаго и морского министра неоднократно прерывалась бурными рукоплесканіями. Когда А. Ф. Керенскій закончилъ свою рѣчь, собраніе устроило министру грандіозную овацію. Хоръ и всѣ делегаты пѣли марсельезу. Раздается возгласъ: «Товарищи — братья! Поклянемся, что пойдемъ впередъ».—«Клянемся» въ одинъ голосъ отвѣчаетъ весь залъ.

НА ФРОНТОВОМЪ СЪѢЗДѢ.

ОДЕССА.

16 мая военный и морской министръ выступилъ на фронтовомъ съѣздѣ вторично.

— Всѣ сходятся въ томъ, заявилъ министръ, что у Россіи

нѣтъ захватныхъ задачъ въ этой войнѣ. Есть задачи защиты и охраны права на развитіе.

Въ другихъ странахъ не одни капиталисты стоятъ за захватную войну.

Вамъ говорятъ о Либкнехтѣ, но, вѣроятно, не говорятъ о Левинѣ, представителѣ могучихъ нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ, который высказался за войну въ интересахъ Германіи.

Вы должны знать все. Русская революціонная власть отбросила аннексіонные лозунги. Попробуйте сдѣлать это въ другихъ странахъ.

Вы увидите, что такъ легко, какъ мы отдѣлались отъ Милюкова, вамъ это тамъ не удастся, ибо за нимъ стоятъ опредѣленныя общественныя силы.

Съ самаго начала существованія Временнаго Правительства опредѣленно было сказано, что мы думаемъ.

Мы приняли мѣры, чтобы считались съ нашимъ мнѣніемъ, но считаются съ силой.

Въ Германіи имперіалисты усилились.

Ослабляя нашъ фронтъ, мы даемъ возможность нѣмцамъ обрушиться на союзниковъ, разжигаемъ этимъ аппетиты германскихъ имперіалистовъ.

Мы не можемъ допустить, чтобы въ нейтральныхъ державахъ усилился голосъ господствующихъ классовъ. Говорить этимъ классамъ о лозунгѣ: «безъ аннексій»—смѣшно.

ОТКАЗЪ ОТЪ АННЕКСІЙ.

Я разскажу вамъ случай.

Я былъ только что на фронтѣ. Тамъ одинъ полкъ заключилъ миръ съ нѣмцами. Договоръ подписали два нашихъ унтеръ-офицера и нѣмецкій офицеръ.

Въ договорѣ говорится объ отказѣ отъ аннексій, но съ нашей стороны.

Наши отказались отъ обратнаго завоеванія русскихъ городовъ Вильны и Ковны.

(Голоса: „Позоръ").

Это не позоръ, это значитъ, что люди не могутъ или не хотятъ разъяснить, въ чемъ тутъ дѣло. Но быть смѣшными въ глазахъ всего міра—невыносимо для государства.

Лозунгъ «безъ аннексій» обращенъ не къ намъ, а къ нѣмцамъ.

Говорятъ: «какое намъ дѣло до Либавы». Но государство не можетъ жить по клочкамъ. Намъ нужны ходы и выходы, нуженъ правильный обмѣнъ внутри,—поэтому мы не можемъ допустить потери земель.

Миръ безъ аннексій значитъ: «Милостивые государи, извольте итти къ себѣ въ Германію».

Если не слушаютъ, то нужно прогнать. Это такъ просто.

Надо создать такія условія, чтобы всѣ народы могли сказать, съ кѣмъ и какъ хотятъ жить.

Миръ безъ аннексій можетъ быть достигнутъ только военными средствами, борьбой и побѣдой, но не побѣдой до конца, не вхожденіемъ въ Берлинъ, не взятіемъ Константинополя—все это чепуха. Чтобы заставить Германію отказаться отъ захватовъ, надо имѣть боеспособную армію; чтобы достичь мира, надо напрячь всѣ усилія. Понятно ли это?»

(Возгласы: «Понятно»).

Но война связана съ дипломатіей. Если усиливается фронтъ—усиливается голосъ дипломатіи. Мы посылаемъ вмѣсто старыхъ царскихъ дипломатовъ—новыхъ, и вы поддержите ихъ. (Голоса: «Поддержимъ»). Но есть еще общественное мнѣніе. Мы взяли на себя починъ по созыву международной соціалистической конференціи. Будетъ происходить организація международнаго общественнаго демократическаго мнѣнія. Все, что вамъ говорятъ о кустарныхъ способахъ разрѣшенія международныхъ вопросовъ—все это—чепуха. Даже Ленинъ, на котораго ссылаются глупые люди, сказалъ, что цѣли прекращенія войны не достигаются дезорганизаціей отдѣльныхъ армій. Мы ведемъ войну, чтобы кончить ее, а чтобы кончить ее скорѣе, надо вести ее напряженнѣе. Наша техника высока, какъ никогда, но у насъ есть затрудненія въ вопросахъ продовольствія и транспорта. Нужны организація и порядокъ. Въ тылу продовольствіе передано въ руки Пѣшехонова и самого народа. Могу засвидѣтельствовать, что подвозъ улучшается, мы имѣемъ все и, главное, непреклонное желаніе итти къ концу войны и защитить свободу. Въ заключеніе министръ желаетъ делегатамъ успѣха и проситъ передать товарищамъ на фронтѣ, что

всѣми силами народъ, вмѣстѣ съ арміей, сдѣлаетъ все, чтобы скорѣе кончить это страшное дѣло съ достоинствомъ и съ честью.

Провожаемый оваціями, А. Ф. Керенскій покидаетъ съѣздъ, и засѣданіе закрывается.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ на «ГЕОРГІИ ПОБѢДОНОСЦѢ».

СЕВАСТОПОЛЬ.

17-го мая А. Ф. Керенскій прибылъ въ Севастополь и послѣ посѣщенія военно-промышленнаго комитета отправился на корабль «Георгій Побѣдоносецъ», гдѣ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Товарищи, офицеры и матросы. Я радъ привѣтствовать васъ, героевъ и представителей черноморскаго флота, оправдавшихъ въ переживаемое нами время боевыя и революціонныя традиціи. Временное Правительство поручило мнѣ поклониться вамъ, и я радъ подышать съ вами однимъ воздухомъ, потому что вы вмѣстѣ съ вашимъ командующимъ флотомъ доказали, какъ нужна организація во имя свободы. Вы доказали, какъ нужно любить ее, и не мнѣ учить васъ, какъ нужно умирать за свободу.

Свѣтлая память лейтенанта Шмидта ближе вамъ, чѣмъ кому-либо. И я увѣренъ, товарищи, что вы исполните вашъ долгъ до конца. Товарищи, свобода наша еще не закрѣплена. Вы должны спасать русскую свободу и счастье трудящихся массъ отъ оставшагося еще непобѣжденнымъ внѣшняго врага.

Мы идемъ къ нему не съ лозунгомъ подчиненія нашей волѣ, мы не хотимъ захватить чужое добро. Мы хотимъ, чтобы были признаны за нами честь и достоинство великаго свободнаго народа.

Я привѣтствую васъ отъ всего сердца и кричу: «Да здравствуетъ Черноморскій флотъ. Ура».

Громовое «ура» было отвѣтомъ на эту рѣчь.

НА РИЖСКОМЪ ФРОНТѢ.

РИГА.

25 мая А. Ф. Керенскій на торжественномъ засѣданіи совѣта солдатскихъ и офицерскихъ депутатовъ 12 арміи произнесъ большую, яркую, страстную рѣчь, произведшую потрясающее впечатлѣніе на слушателей.

Товарищи, слишкомъ долго и слишкомъ много я знаю, какъ живетъ, и что нужно русскому народу, чтобы я, какъ представитель власти, за криками «ура» сталъ искать правду. Я знаю правду о жизни Россіи, и съ сознаніемъ своего права и власти я говорю правду. Эта власть мнѣ не дана по капризу отдѣльныхъ личностей, а волею всего народа—противъ моей воли. Гораздо легче быть въ сторонѣ, и, не неся никакой отвѣтственности, все критиковать и играть на чувствѣ переутомленія. Вчера одинъ солдатъ сказалъ мнѣ: «зачѣмъ мнѣ умирать, когда послѣ смерти я не получу земли».—Я немедленно приказалъ командиру полка освободить его и объявить объ этомъ въ приказѣ. И что бы дѣлала страна, если бы всѣ имѣли право взять на себя смѣлость и итти домой, не думая, объ общемъ благѣ, а только—о своихъ личныхъ интересахъ.

При старомъ режимѣ, когда мы боролись во имя народа, во имя страны, когда нужно было странѣ—мы умирали и, умирая, молчали во имя свободы народа; намъ здѣсь говорили, что старая дисциплина—дисциплина ужаса и палки, дисциплина нагайки и кнута исчезла изъ арміи, и армія осталась недисциплинированной и, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока она не станетъ сознательной и, что никакія слова и приказы не помогутъ.

Это оскорбленіе всему народу.—Русская демократія не рабы, русской демократіи ненужно нагайки и кнута, чтобы до конца исполнить свой долгъ передъ родиной. (Бурныя оваціи!).

Я знаю лучше, чѣмъ другіе, какъ страдали и мучались при старомъ режимѣ. Но что же—революцію, которую мы совершили, вы должны превратить въ анархію, въ торжество меньшинства надъ большинствомъ. Это—самодержавіе на изнанку и борьба

съ большинствомъ честными и нечестными путями, какъ при самодержавіи.

Правда въ томъ, что старая власть губила и разрушала государство, правда въ томъ, что государство ограблено и бѣдно деньгами. Сегодня всѣхъ личныхъ желаній государство удовлетворить не можетъ, но, товарищи, развѣ до революціи вы всѣ были сыты и обуты и имѣли землю и волю. Нѣтъ, вы молчали и исполняли свой долгъ передъ родиной.

Старая власть уничтожена, и у власти стоятъ люди которые никогда не прикасались къ царской одеждѣ. Эта власть приблизитъ конецъ войны съ честью и достоинствомъ для свободнаго государства. Неужели это благо не стоитъ того, чтобы было забыто личное благо. (Громъ аплодисментовъ, крики: «стоитъ, стоитъ!»).

Говорятъ объ Англіи и Франціи, но развѣ это даетъ право кому-нибудь или какой-нибудь партіи играть во что бы то ни стало на неосвѣдомленности массы, когда поставлена огромная карта великихъ идей, возможно ли, чтобы она была побита контръ-революціей справа и нападками и клеветами меньшинства. Въ крайностяхъ сходятся, и тѣ, кто зоветъ на разрушеніе, создаетъ грядущее торжество самодержавія. Для того, чтобы война достигла своей цѣли, нужно быть сильными.

Нужно быть сильными, чтобы внушить врагу уваженіе и страхъ передъ нами. Отказомъ исполнить свой долгъ до конца вы не приближаете конца войны, а усиливаете реакціонную Германію, которая говоритъ, что благодаря революціи обнаженъ фронтъ и нѣтъ большеврага въ востока. (Крики: «позоръ, позоръ!»).

Они вѣрятъ въ торжество и господство имущихъ классовъ Германіи. Товарищи, они говорятъ, что сила у русскихъ была только тогда, когда они были подъ властью царя, они говорятъ, что народу нужна палка, доказывая это русской революціей. Это—насмѣшка надъ революціей и торжество реакціи. (Оваціи).

Надо чувствовать себя свободными гражданами но и умирать, какъ свободные граждане. Мы уважаемъ храбрыхъ революціонеровъ и презираемъ трусовъ, дрожащихъ за свое благо.

Сѣять къ власти народа недовѣріе—развѣ этимъ приближаютъ торжество революціи. Нѣтъ, этимъ подрываютъ силу революціи.

Когда будетъ потеряно довѣріе ко мнѣ, придетъ диктаторъ и тогда недовѣріе будетъ подавляться штыкомъ и нагайкой.

Мы всегда останемся вѣрны своимъ идеямъ и лучше падемъ отъ руки черни, но идеямъ не измѣнимъ. Наша задача общими силами спасти Россію и революцію. Народъ не хочетъ, чтобы предательствомъ однихъ и коварствомъ другихъ погибла страна. Народъ не хочетъ захватовъ и контрибуцій. Онъ хочетъ торжества мира всего міра, и сила наша—въ этомъ стремленіи. Тѣ, кто этого не хотятъ, ушли, и я, и все Временное Правительство другихъ цѣлей въ жизнь не провели.

Я спрошу тѣхъ любителей, кто такъ много говоритъ о самоопредѣленіи народовъ: войска Франціи и Бельгіи стоятъ на своей землѣ. Развѣ они захватили чужую? Что же вы, безумцы, говорите о союзникахъ и молчите о тѣхъ, кто захватилъ эти земли.

Бетманъ-Гольвегъ заявилъ, что для Германіи лозунги «безъ аннексій и контрибуцій» непріемлемы. Мы сдѣлаемъ все, если у насъ есть армія, на которую мы можемъ опереться, а это будетъ тогда, когда у насъ будетъ сильная и сплоченная армія; но если она будетъ бродячимъ стадомъ, будетъ то, что вы раскаетесь, какъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ, но будетъ поздно.

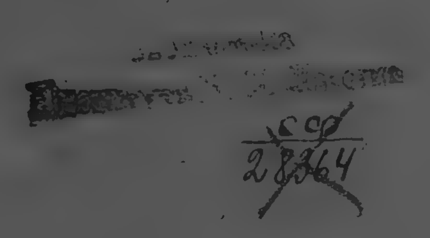
Сила русской революціи и демократіи всего міра въ власти, основанной на разумѣ. Пусть знаютъ враги, гдѣ бы они не сидѣли, что мы не испугаемся этихъ угрозъ и не потеряемъ довѣрія къ народу. Намъ враги не страшны ни подъ какой личиной, не страшна та кампанія клеветы на военнаго министра, пришедшаго на этотъ разъ не отъ царя, а отъ народа.

Дѣло не въ словахъ, а въ цѣляхъ. Впередъ за свободу, равенство и братство. Отдадимъ все во имя нашей родины и революціи. (Крики со всѣхъ сторонъ: «умремъ за свободу!»).

Я вѣрю въ ваши крики готовности умереть за свободу. Я пріѣхалъ къ вамъ сказать, что чувствую и думаю: я вижу

ваше сознаніе, и въ этомъ сознаніи скуется все счастье и свобода нашей родины.

По окончаніи рѣчи министра, покрытой бурей аплодисментовъ, взволнованнаго до глубины души собранія, къ министру подошелъ делегатъ Сибирскаго полка и, поднеся Георгіевскій крестъ 1-й степени отъ полка, заявилъ отъ имени своего полка: «если нужно умереть, мы умремъ. Сейчасъ, завтра, въ любую минуту мы всѣ готовы умереть».

Вышли изъ печати:

«Памятка о Всероссійскомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ» (рѣчи Керенскаго, Чернова и Брешко-Брешковской) съ привѣтствіемъ Авксентьева ц. 15 к.

«Карманный словарь революціонера» ц. 20 к.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ нѣсколько брошюръ по земельному вопросу и къ Учредительному Собранію.

Цѣна 20 коп.

Издательство и складъ изданія.
„Народная Воля“.
Петроградъ. Петр. стор. Больш. Монетная 9-а. Тел. № 172-02.

